

Александр АБДУЛОВ однажды заявил, что готов взять лицензию на отстрел журналистов. С тех пор среди пишущей братии он пользуется дурной славой. Признаться, и я шла на встречу к нему с внутренней дрожью: пристрелит — не пристрелит, но к словесной перепалке я подготовилась основательно. Но случилось так, что мое главное техническое средство — диктофон начал предательски мигать красным огоньком, и интервью оказалось под угрозой! Оно не состоялось бы никогда, если бы не благожелательное отношение к моим проблемам со стороны артиста: сначала он искал контакт, закрепляя батарейки сложенной в несколько раз бумагой, затем сам держал мой злосчастный диктофон, и, наконец, согласился встретиться со мной еще раз. Мой первый вопрос был, естественно, об отношении к представителям прессы и свободе слова.

— А разве зритель может быть талантливым?
— Зритель бывает разным, в зале — разные люди с разным уровнем культуры и образования. Есть города, которые всегда славились своим зрителем, ну, например, Ленинград, сейчас Санкт-Петербург, Москва, Самара, еще целый ряд городов имеет образованного театрального зрителя. А есть такая категория зрителей, чье интеллектуальное развитие остановилось на том, что они когда-то прочли "Куручю Рябу", и с этим уже ничего не поделаешь.

— На сцене вы ощущаете, какой зритель в зале?
— Конечно! Мы, наверное, все-таки очень счастливый театр. Благодаря Лужкову мы остаемся муниципальным театром и не поднимаем цены на билеты. Мы сейчас спокойно можем поднять цены, но мы этого не делаем, потому что тогда мы потеряем того талантливого зрителя, ради которого мы работаем...

Мы зависим не от законов, а от характера очередного дяди. Очередной дядя пришел — и все поменялось. А так как у нас два раза в день меняются эти дяди, то и мы должны изменяться дважды в день. А во всех нормальных странах жизнь граждан зависит от закона. Существует закон, и он ни от кого не зависит. А у нас все зависит от того дяди, который нам что-то скажет. Вот и все!

Лариса Долина вместе с Александром Абдуловым и съемочной группой фильма "Бременские музыканты" летала в Индонезию. Для этой картины артистка записала "Песню атаманши".

— Как могло так получиться, что абсолютно во всех справочниках и интервью написано, что вы родились в Ферганае?
— Это вопрос не ко мне, а к журналистам, это они создали этот миф.

— Александр Гаврилович, вот вы актер, человек, который постоянно играет какие-то роли, неужели вас действительно может задеть за живое то, что о вас рассказывают мифы? Вы создали маску, некий образ, который уже живет своей собственной жизнью. Это же говорит о вашей популярности, когда о вас начинают выдумывать истории, сочинять анекдоты! Неужели вы не можете от всего этого отстраниться и посмотреть со стороны?

— Нет, я могу, конечно, могу, ради Бога! Но я не терплю хамства! Я сорок лет работал на свое имя,

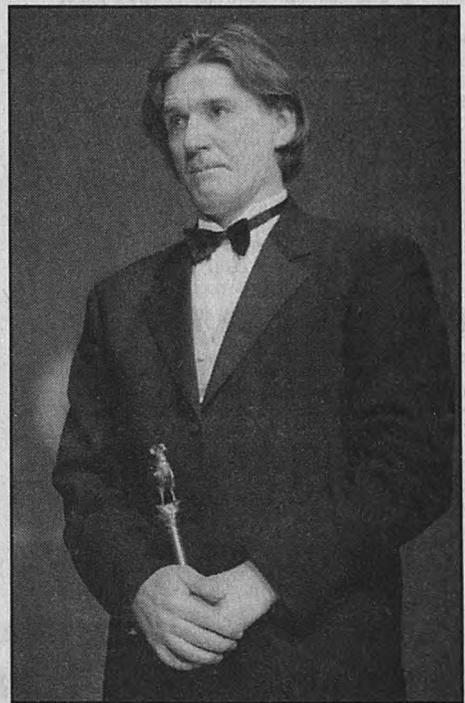
— Мазохизм какой-то! А по ночам вам ваши образы, ваши герои не снятся?

— Нет!

— И ваши взаимоотношения с образом не вызывают раздвоения личности, они вас не мучают?

— Абсолютно!

— Актерская профессия связана с огромными эмоциональными затратами, и некоторые актеры, чтобы восстановить свои силы, прибега-

АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ: ДРАКОН НЕ ПОБЕЖДЕН

Моск. правда. — 1999 — 17 апр. — с. 3.

— Это не свобода — это бескультурие или, можно сказать, — свобода для бешеной собаки. У нее же тоже может быть своя свобода! Все это идет от бездарности: когда журналист не может иным способом привлечь к себе внимание, он ищет скандала. Я уже однажды говорил, что у нас сейчас наступило время высокооплачиваемой бездарности. Признаться, что ты бездарен, как-то неудобно, поэтому лучше сделать вид, что тебя не понимают, что ты настолько гениален, что будешь востребован лишь XXI веком. А рядом бездарный журналист, который за деньги напишет хвалебную статью, прославляющую бездарность. А в результате мы плодим бездарного зрителя.

Президент нам еще раз показал, что Дума абсолютно бездарная, беззубая, полукриминальная, импотентная амеба, которая пытается нам доказать, что она что-то значит.

Президент всем показал, что она полный ноль. Я смотрю на этих людей, которые утверждают, что им важна судьба Думы. Почему они не кричат, что им важна судьба России? Почему им не важна судьба избирателей? Миллион "почему", и ни одного ответа! Нашли коробку с полумиллионном долларом и на полном серьезе всей стране говорят, что она ничья. В любой другой стране этот факт означал бы отставку правительства. А у нас — нормально, у нас можно на всю страну обвинять человека в убийстве, в любом другом преступлении — и ничего от этого не изменится. Уже никто ничему не верит, ни газетам, ни телевидению, ни радио. Люди уже так устали от лжи и бездарности на всех уровнях. Через каждые два часа все меняется.

— Вектор общественного интереса переместился из театра как такового в театр политический. Наша жизнь все больше становится похожа на спектакль театра абсурда.

— Но скоро может подойти конец акта, наступит антракт, и второй акт будет страшным. У меня такое ощущение, что мы приближаемся к ситуации 17-го года. Сейчас если кто-то улюлюкнет как следует, то народ пойдет, и ничем его не остановить. Армию распустили, все, что могло быть развалено, — развалили...

Старая идея уничтожена, а новой не предложили. Все время кричат: "Реформы! Реформы! Какие реформы? Группы "товарищей" приватизировала полстраны, что ж нам от этого? Если бы у меня был банк, я бы его тоже, наверное, приватизировал. Театр бы приватизировал, хотя театр никакой прибыли дать не может. Я очень

почему какой-то полуобразованный мальчик имеет право трепать мое имя? Почему я должен ему это прощать? Мне все говорят: почему ты не подаешь в суд? В суд подавать — это значит дать работу "желтой" прессе и потерять свое время. И вообще в последнее время я решил поступать по совету Сальвадора Дали, который предлагал измерять популярность весом статей о своей персоне, но ни в коем случае их не читать, чтобы нервы не расстраивать.

— Вы и в качестве кинорежиссера хотели себя попробовать, вам это удалось?

— Да, удалось, я сделал фильм "Храм должен остаться храмом".

— Кстати, о храме... Рядом с Ленкомом есть церковь Рождества Богородицы в Путинках. Она реставрирована в основном за счет благотворительной акции "Задворки Ленкома", которую вы организовали...

— Не только отреставрирована: там был склад цирка на сцене. Благодаря "Задворкам" мы подняли шум и смогли добиться, чтобы церковь передали театру. Это сейчас церкви передаются из рук государства спокойно, а в те времена об этом даже думать нельзя было, но мы добились. Сначала церковь передали нам, а потом мы ее отреставрировали и передали по назначению.

— Как вы считаете, можно ли по отношению к актеру говорить о его индивидуальности, или актер — это некое вместилище образа, со суд, в который каждый раз должно вливаться новое содержимое?

— Есть разные актеры. Никита Михалков говорил о Юрии Богатыреве, что он замечательный материал для лепки — он мог сыграть все. Есть актеры одной роли. Ну, это как бы система ампулы или просто штампов: вот этот актер будет играть секретарей парторганизации — и он как приговоренный всю жизнь их играл. Вот актер — молодой герой, и все — яркий повешен. Но бывают разные ситуации. Был, например у нас в театре актер, который отказался играть предателя. Он пришел к режиссеру, извинился и сказал: "Я волевал и не буду играть предателя!"

— Но он же актер, у него работа такая — играть любую роль?

— Ну а он вот так себя видел. Я считаю, что чем разностороннее одарен актер, чем больше у него амплитуда возможностей, тем лучше.

— Какая роль отняла у вас много сил, но в то же время принесла много радости?

— Все отнимают много сил и доставляют радость! Упадок сил — всегда. Каждая работа отнимает множество энергии. Это невозможно объяснить людям, которые не играли. Теряешь за спектакль до четырех килограммов, выворачивавшь себя всего наизнанку, а потом думаешь — какое счастье!

ют к различным антистрессовым средствам, к алкоголю, например.

— Ну, вы же сами хорошо все знаете, зачем же меня спрашиваете?

— Но мне интересно, как в данном случае поступаете вы? Кто-то там по системе Иванова бегают босиком по росе, кто-то по системе Брзга голодает...

— Вот-вот, день голодаю, день босиком бегаю...
— Я так и напишу, чтобы вслед за вами ваши поклонники начали делать то же самое.

— Ну что ж, пишите!
— Какая работа доставляет вам большее удовлетворение: в театре или в кино?

— Это разные вещи. Кино — это сиюминутность, можно сейчас сыграть, только сейчас, в эту секунду, сыграть — и все. Получилось,

так получилось, а нет — так нет! В театре есть возможность процесса, можно репетировать, от спектакля к спектаклю что-то изменять. Ведь на премьере — это один спектакль, а через некоторое время — это уже совсем другой спектакль. Все то же самое: и декорации, и мизансцены, и актеры, а вот изменились какие-то интонации, жесты, взгляды — и все, атмосфера уже другая и спектакль другой. Театр мне более близок.

— Главное слабое место успеха — это прежде всего талант?

— Конечно! Актер — это профессия, в которой сразу видно, есть у тебя талант или нет. И тут уже зритель голосует рублем. Знаете, театр такое дело... Если бы сейчас появился театр, который бы сделал спектакль уровня "Доходного места" Захарова, я вас уверяю, через неделю вся Москва бы об этом знала.

— Я хочу спросить у вас как у актера, который сыграл бесстрашного рыцаря Ланцелота, вступившего в неравную схватку с Драконом. Дракон побежден?

— Нет, что вы, у него множество голов — и все огнем дышат!

Это некая система взаимоотношений, коррупционность власти, которая хочет сделать что-то хорошее только для себя.

— Что делать, чтобы победить дракона?

— Этот вопрос надо задать какому-нибудь аксакалу. Если бы я знал, я бы сделал. Я бы взял копые наперевес — и... А просто так болтать на эту тему я не хочу. Если бы знать!

Елена ШАХМАТОВА — специально для ИД "Новый Взгляд".
Рис. Екатерины ПОПОВОЙ ("Новый Взгляд").

